

Не жалею, не зову, не плачу... Сергей Александрович Есенин

Не жалею, не зову, не плачу...

«Выткался на озере алый свет зари...»

Выткался на озере алый свет зари.

На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.

Только мне не плачется – на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог, Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет, Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты, Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари, Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

«Вот уж вечер. Роса...»

Вот уж вечер. Роса

Блестит на крапиве.

Я стою у дороги,

Прислонившись к иве.

От луны свет большой

Прямо на нашу крышу.

Где-то песнь соловья

Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,

Как зимой у печки.

И березы стоят,

Как большие свечки.

И вдали за рекой,

Видно, за опушкой,

Сонный сторож стучит

Мертвой колотушкой.

1910

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...»

Матушка в Купальницу по лесу ходила, Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы ворожбиные ноги ей кололи, Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила, Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле, Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове, Выбираю удалю и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю

Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

«Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...»

Задымился вечер, дремлет кот на бруссе.

Кто-то помолился: «Господи Исусе».

Полыхают зори, курятся туманы, Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повети.

Где-то мышшь скребется в затворенной клети...

У лесной поляны – в свяслах копны хлеба, Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под рососою рощи...

В сердце почивают тишина и мощи.

1912

Береза

Белая береза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром.

На пушистых ветках

Снежную каймой

Распустились кисти

Белой бахромой.

И стоит береза

В сонной тишине,

И горят снежинки

В золотом огне.

А заря, лениво

Обходя кругом,

Обсыпает ветки

Новым серебром.

1913

«Край любимый! Сердцу снятся...»

Край любимый! Сердцу снятся

Скирды солнца в водах лонных.

Я хотел бы затеряться

В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке,

Резеда и риза кашки.

И вызванивают в четки

Ивы – кроткие монашки.

Курит облаком болото,

Гарь в небесном коромысле.

С тихой тайной для кого-то

Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю, Рад и счастлив душу вынуть.

Я пришел на эту землю,

Чтоб скорей ее покинуть.

1914

В хате

Пахнет рыхлыми драченами; У порога в дежке квас,

Над печурками точеными

Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою, В печке нитки попелиц,

А на лавке за солонкою —Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится, Нагибается низко!

Старый кот к махотке крадется

На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные

Над оглоблями сохи,

На дворе обедню стройную

Запевают петухи.

А в окне на сени скатые, От пугливой шумоты,

Из углов щенки кудлатые

Заползают в хомуты.

1914

«Гой ты, Русь, моя родная...»

Гой ты, Русь, моя родная, Хаты – в ризах образа...

Не видать конца и края —Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,

Я смотрю твои поля.

А у низеньких околиц

Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом

По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за корогодом

На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке

На приволь зеленых лех,

Мне навстречу, как сережки, Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

1914

«Край ты мой заброшенный...»

Край ты мой заброшенный, Край ты мой, пустырь,

Сенокос некошенный,

Лес да монастырь.

Избы забоченились,

А и всех-то пять.

Крыши их запенились

В заревую гать.

Под соломой-ризою

Выступы стропил,

Ветер плесень сизую

Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха

Вороны крылом,

Как метель, черемуха

Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике

Жисть твоя и быль,

Что под вечер путнику

Нашептал ковыль?

1914

«Черная, потом пропахшая выть!..»

Черная, потом пропахшая выть!

Как мне тебя не ласкать, не любить?

Выйду на озеро в синюю гать, К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши, Глухо баюкают хлюпъ камыши.

Красный костер окровил таганы, В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари

Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки, Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...

Грустная песня, ты – русская боль.

1914

Русь

Потонула деревня в ухабинах, Заслонили избенки леса.

Только видно, на кочках и впадинах, Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки долгие, зимние, Волки грозные с тощих полей.

По дворам в погорающем инее

Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки, за ветками

Смотрят в шали пурги огоньки.

И стоят за дубровными сетками, Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая, Что ни прорубь – везде колдуны.

В злую заморозь в сумерки мглистые

На березках висят галуны.

Но люблю тебя, родина кроткая!

А за что – разгадать не могу.

Весела твоя радость короткая

С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою

Слушать вечером гуд комаров.

А как гаркнут ребята тальянкою, Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина, Угли-очи в подковах бровей.

Ой ты, Русь моя, милая родина, Сладкий отдых в шелку купырей.

Понакаркали черные вороны: Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны, Машет саваном пена с озер.
Грянул гром, чашка неба расколота, Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.
Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские, Плач прорезал кругом тишину.
Собиралися мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез, Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.
По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы, Вся опора в годину невзгод.

Затомилась деревня невесточкой —Как-то милые в дальнем краю?

Отчего не уведомят весточкой, —Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана, В ветре бластились стуки костей.

И пришли к ним нежданно-негаданно

С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку, С потом вывели всем по письму.

Подхватили тут родные грамотку, За ветловую сели тесьму.

Собрались над четницей Лушею

Допытаться любимых речей.

И на корточках плакали, слушая, На успехи родных силачей.

Ах, поля мои, борозды милые, Хороши вы в печали своей!

Я люблю эти хижины хилые

С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным, Мир вам, грабли, коса и соха!

Я гадаю по взорам невестиным

На войне о судьбе жениха.

Помирится я с мыслями слабыми, Хоть бы стать мне кустом у воды.

Я хочу верить в лучшее с бабами, Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные, Не спугнет их ни гром и ни тьма.

За сохою под песни заветные

Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули, Выводимые с тяжким трудом, И от счастья и радости плакали, Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми

В мягких травах, под бусами рос, Им мерещился в даях за дымами

Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая, Лишь к тебе я любовь берегу.

Весела твоя радость короткая

С громкой песней весной на лугу.

1914

«В том краю, где желтая крапива...»

В том краю, где желтая крапива

И сухой плетень,

Приютились к вербам сиротливо

Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей лога, В зелени озер,

Пролегла песчаная дорога

До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди, Нипочем ей страх.

И идут по той дороге люди, Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры, Как судил им рок.

Полюбил я грустные их взоры

С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах, Их сердца просты,

Но кривятся в почернелых лицах

Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу, Что я сердцем чист.

Но и я кого-нибудь зарежу

Под осенний свист.

И меня по ветряному свею, По тому ль песку,

Поведут с веревкою на шее

Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом

Распрямлю я грудь,

Языком залижет непогода

Прожитой мой путь.

1915

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,

Где златятся рогожи в ряд, Семерых ощенила сука,

Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала, Причесывая языком,

И струился снежок подталый

Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры

Обсиживают щесток,

Вышел хозяин хмурый,

Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,

Поспевая за ним бежать...

И так долго, долго дрожала

Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно, Слизывая пот с боков,

Показался ей месяц над хатой

Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко

Глядела она, скуля,

А месяц скользил тонкий

И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки, Когда бросят ей камень в смех, Покатились глаза собачьи

Золотыми звездами в снег.

1915

«Устал я жить в родном краю...»

Устал я жить в родном краю

В тоске по гречневым просторам, Покину хижину мою,

Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня

Искать убогое жилище.

И друг любимый на меня

Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу

Обвита желтая дорога,

И та, чье имя берегу,

Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом, Чужою радостью утешусь,

В зеленый вечер под окном

На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня

Нежнее головы наклонят.

И необмытого меня

Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть, Роняя весла по озерам,

И Русь все так же будет жить, Плясать и плакать у забора.

1915–1916

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже, Нежная, красивая, была

На закат ты розовый похожа

И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли, Имя тонкое растаяло, как звук, Но остался в складках смятой шали

Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше, Как котенок, моет лапкой рот, Говор кроткий о тебе я слышу

Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер, Что была ты песня и мечта, Всё ж кто выдумал твой гибкий стан

и плечи —

К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеды и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

1915–1916

«Запели тесаные дроги...»

Запели тесаные дроги,

Бегут равнины и кусты.

Опять часовни на дороге

И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен

От овсяного ветерка.

И на известку колоколен

Невольно крестится рука.

О Русь – малиновое поле

И синь, упавшая в реку, —Люблю до радости и боли

Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить, Ты на туманном берегу.

Но не любить тебя, не верить —Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,

И не расстанусь с долгим сном, Когда звенят родные степи

Молитвословным ковылем.

1916

«Гаснут красные крылья заката...»

Гаснут красные крылья заката, Тихо дремлют в тумане плетни.

Не тоскуй, моя белая хата, Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше

Обоймленные синью рога.

Не пошел я за ней и не вышел

Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.

Эта боль, как и годы, пройдет.

И уста, и невинную душу

Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости просит, Только гордые в силе живут.

А другой изомнет и забросит, Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю, Будет злобно крутить пороша.

И придет она к нашему краю

Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет, Примостится со мной у огня.

И спокойно и ласково скажет, Что ребенок похож на меня.

1916

«Опять раскинулся узорно...»

Опять раскинулся узорно

Над белым полем багрянец, И заливается задорно

Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой

Ты кажешь девичью красу, И треплет ветер под косынкой

Рыжеволосую косу.

Дуга, раскалываясь, пляшет, То выныряя, то пропав,

Не заморозит, не обмашет

Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться

Полей малиновая ширь,

Тебе – высокая светлица, А мне – далекий монастырь.

Там синь и полымя воздушней

И легкодымней пелена.

Я буду ласковый послушник, А ты – разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем

Грустить в упругой тишине: Я по тебе – в глухом тумане, А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю

Ни тихих ласк, ни глубины —Глаза, увидевшие землю,

В иную землю влюблены.

1916

«О красном вечере задумалась дорога...»

О красном вечере задумалась дорога, Кусты рябин туманней глубины.

Изба-старуха челюстью порога

Жует пахучий мякиш тишины.

Осенний холод ласково и кротко

Крадется мглой к овсяному двору; Сквозь синь стекла желтоволосый отрок

Лучит глаза на галочью игру.

Обняв трубу, сверкает по повети

Зола зеленая из розовой печи.

Кого-то нет, и тонкогубый ветер

О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощам

Щерблennyй лист и золото травы.

Тягучий вздох, ныряя звоном тощим, Целует клюв нахохленной совы.

Все гуще хмарь, в хлеву покой и дрема, Дорога белая узорит скользкий ров...

И нежно охает ячменная солома, Свисая с губ кивающих коров.

1916

«Проплясал, проплакал дождь весенний...»

Проплясал, проплакал дождь весенний, Замерла гроза.

Скучно мне с тобой, Сергей Есенин, Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным древом

Взмах незримых крыл:

Не разбудишь ты своим напевом

Дедовских могил!

Привязало, осаднило слово

Даль твоих времен.

Не в ветрах, а, знать, в томах тяжелых

Прозвонит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет плечи, Вытянет персты.

Близок твой кому-то красный вечер, Да не нужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и Блока, Встормошит других.

Но все так же день взойдет с востока, Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы, Не стряхнут листа...

Навсегда твои пригвождены ко древу

Красные уста.

Навсегда простер глухие длани

Звездный твой Пилат.

Или, Или, лама савахфани, Отпусти в закат.

1916–1917

«Не напрасно дули ветры...»

Не напрасно дули ветры,

Не напрасно шла гроза.

Кто-то тайный тихим светом

Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней

Отгрустил я в синей мгле

О прекрасной, но нездешней, Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность, Не тревожит звездный страх.

Полюбил я мир и вечность, Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято, Все тревожное светло.

Плещет рдяный мак заката

На озерное стекло.

И невольно в море хлеба

Рвется образ с языка:

Отелившееся небо

Лижет красного телка.

1917

«О край дождей и непогоды...»

О край дождей и непогоды, Кочующая тишина,

Ковригой хлебною под сводом

Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой

Малиновая лебеда.

На ветке облака, как слива, Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою, Наперекор твоей беде,

Бреду и чую яровое

По голубеющей воде.

Клубит и пляшет дым болотный...

Но и в кошме певучей тьмы

Неизреченностью животной

Напоены твои холмы.

1917

«Разбуди меня завтра рано...»

Разбуди меня завтра рано, О моя терпеливая мать!

Я пойду за дорожным курганом

Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще

След широких колес на лугу.

Треплет ветер под облачной кущею

Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится, Шапку-месяц пригнув под кустом, И игриво взмахнет кобылица

Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано, Засвети в нашей горнице свет.

Говорят, что я скоро стану

Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,

Нашу печь, петуха и кров...

И на песни мои прольется

Молоко твоих рыжих коров.

1917

«Нивы сжаты, рощи голы...»

Нивы сжаты, рощи голы,

От воды туман и сырость.

Колесом за сини горы

Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.

Ей сегодня примечталось, Что совсем-совсем немного

Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой

Увидал вчера в тумане:

Рыжий месяц жеребенком

Запрягался в наши сани.

1917

«Я по первому снегу бреду...»

Я по первому снегу бреду, В сердце ландыши вспыхнувших сил.

Вечер синею свечкой звезду

Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?

В чаще ветер поет иль петух?

Может, вместо зимы на полях

Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!

Греет кровь мою легкий мороз!

Так и хочется к телу прижать

Обнаженные груди берез.

О, лесная, дремучая муть!

О, веселье оснеженных нив!..

Так и хочется руки сомкнуть

Над древесными бедрами ив.

1917–1918

«Зеленая прическа...»

Л. И. Кашиной

Зеленая прическа,

Девическая грудь,

О тонкая березка,

Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?

О чем звенит песок?

Иль хочешь в косы-ветви

Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну

Твоих древесных дум,

Я полюбил печальный

Твой предосенний шум.

И мне в ответ березка:

«О любопытный друг,

Сегодня ночью звездной

Здесь слезы лип пастух.

Луна стелила тени,

Сияли зеленыя.

За голые колени

Он обнимал меня.

И так, вдохнувши глубоко, Сказал под звон ветвей:

«Прощай, моя голубка,

До новых журавлей».

1918

«Песни, песни, о чем вы кричите?..»

Песни, песни, о чем вы кричите?

Иль вам нечего больше дать?

Голубого покоя нити

Я учусь в мои кудри вплетать.

Я хочу быть тихим и строгим.

Я молчанью у звезд учусь.

Хорошо ивняком при дороге

Сторожить задремавшую Русь.

Хорошо в эту лунную осень

Бродить по траве одному

И собирать на дороге колосья

В обнищавшую душу-суму.

Но равнинная синь не лечит.

Песни, песни, иль вас не стряхнуть?..

Золотистой метелкой вечер

Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей

Замирающий в ветре крик: «Будь же холоден ты, живущий, Как осеннее золото лип».

1918

«Вот оно, глупое счастье...»

Вот оно, глупое счастье

С белыми окнами в сад!

По пруду лебедем красным

Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье, С тенью березы в воде!

Галочья стая на крыше

Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело, Там, где калина цветет,

Нежная девушка в белом

Нежную песню поет.

Стелется синею рясой

С поля ночной холодок...

Глупое, милое счастье,

Свежая розовость щек!

1918

«Я покинул родимый дом...»

Я покинул родимый дом,

Голубую оставил Русь.

В три звезды березняк над прудом

Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна

Распласталась на тихой воде.

Словно яблонный цвет, седина

У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!

Долго петь и звенеть пурге.

Стережет голубую Русь

Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем

Тем, кто листьям целует дождь, Оттого что тот старый клен

Головой на меня похож.

1918

«Закружилась листва золотая...»

Закружилась листва золотая

В розовой воде на пруду, Словно бабочек легкая стая

С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер, Близок сердцу желтеющий дол.

Отрок-ветер по самые плечи

Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада, Синий сумрак как стадо овец, За калиткою смолкшего сада

Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо

Так не слушал разумную плоть, Хорошо бы, как ветками ива, Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь, Мордой месяца сено жевать...

Где ты, где, моя тихая радость, —Все любя, ничего не желать?

1918

«Хорошо под осеннюю свежесть...»

Хорошо под осеннюю свежесть

Душу-яблоню ветром стряхать

И смотреть, как над речкою режет

Воду синюю солнца соха.

Хорошо выбивать из тела

Накаляющий песни гвоздь.

И в одежде празднично белой

Ждать, когда постучится гость.

Я учусь, я учусь моим сердцем

Цвет черемух в глазах беречь, Только в скупости чувства греются, Когда ребра ломает течь.

Молча ухает звездная звонница, Что ни лист, то свеча заре.

Никого не впущу я в горницу, Никому не открою дверь.

1918–1919

«Я последний поэт деревни...»

Мариенгофу

Я последний поэт деревни, Скромнен в песнях дощатый мост.

За прощальной стою обедней

Кадящих листвой берез.

Догорит золотистым пламенем

Из телесного воска свеча, И луны часы деревянные

Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля

Скоро выйдет железный гость.

Злак овсяный, зарею пролитый, Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,

Этим песням при вас не жить!

Только будут колосья-кони

О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье, Панихидный справляя пляс.

Скоро, скоро часы деревянные

Прохрипят мой двенадцатый час!

1920

Хулиган

Дождик мокрыми метлами чистит

Ивняковый помет по лугам.

Плюйся, ветер, охалками листьев, —Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи, Как с тяжелой походкой воны, Животами, листвою хрипящими, По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!

Кто ж воспеть его лучше мог?

Вижу, вижу, как сумерки лижут

Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!

Я один твой певец и глашатай.

Звериных стихов моих грусть

Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин

Зачерпнуть молока берез!

Словно хочет кого придушить

Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам, Злобу вора струит в наш сад, Только сам я разбойник и хам

И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит

Кипяченных черемух рать?

Мне бы в ночь в голубой степи

Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст, Засосал меня песенный плен.

Осужден я на каторге чувств

Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер, Плюй спокойно листвою по лугам.

Не сотрет меня кличка «поэт», Я и в песнях, как ты, хулиган.

1920

«Все живое особой метой...»

Все живое особой метой

Отмечается с ранних пор.

Если не был бы я поэтом, То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый, Среди мальчишек всегда герой, Часто, часто с разбитым носом

Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме

Я цедил сквозь кровавый рот: «Ничего! Я споткнулся о камень, Это к завтраму все заживет».

И теперь вот, когда простыла

Этих дней кипятковая вязь, Беспокойная, дерзкая сила

На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная груда, И над каждой строкой без конца

Отражается прежняя удаль

Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и гордый, Только новью мой брызжет шаг...

Если раньше мне били в морду, То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,

А в чужой и хохочущий сброд: «Ничего! Я споткнулся о камень, Это к завтраму все заживет!»

1922

«Мир таинственный, мир мой древний...»

Мир таинственный, мир мой древний, Ты, как ветер, затих и присел.

Вот сдавили за шею деревню

Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель

Заметалась звенящая жуть.

Здравствуй ты, моя черная гибель, Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город! ты в схватке жестокой

Окрестил нас как пададь и мразь.

Стынет поле в тоске волоокой, Телеграфными столбами давясь.

Жиллист мускул у дьявольской выи, И легка ей чугунная гать.

Ну, да что же? Ведь нам не впервые

И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колко, Это песня звериных прав!..

...Так охотники травят волка, Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмурных недр

Кто-то спустит сейчас курки...

Вдруг прыжок... и двуногого недруга

Раздирают на части клыки.

О, привет тебе, зверь мой любимый!

Ты не даром даешься ножу.

Как и ты – я, отвсюду гонимый, Средь железных врагов прохожу.

Как и ты – я всегда наготове, И хоть слышу победный рожок, Но отпробует вражеской крови

Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель

Упаду и зарююсь в снегу...

Все же песню отмщенья за гибель

Пропоют мне на том берегу.

1922

«Не жалею, не зову, не плачу...»

Не жалею, не зову, не плачу.

Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Увяданья золотом охваченный, Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком, И страна березового ситца

Не заманит шпаться босиком.

Дух бродяжий, ты все реже, реже

Расшевеливаешь пламень уст.

О, моя утраченная свежесть, Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупер стал в желаньях, Жизнь моя? иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны, Тихо льется с кленов листьев медь...

Будь же ты вовек благословенно, Что пришло процвеств и умереть.

1922

«Не ругайтесь. Такое дело!..»

Не ругайтесь. Такое дело!

Не торговец я на слова.

Запрокинулась и отяжелела

Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу, Как же смог я ее донести?

Брошу все. Отпущу себе бороду

И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,

Перекину за плечи суму,

Оттого что в полях забуддыге

Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком

И, тревожа вечернюю гладь, Буду громко сморкаться в руку

И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи, Лишь забыться и слушать пургу, Оттого что без этих чудачеств

Я прожить на земле не могу.

1922

«Я обманывать себя не стану...»

Я обманывать себя не стану, Залегла забота в сердце мгlistом.

Отчего прослыл я шарлатаном?

Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом, Не расстреливал несчастных по темницам.

Я всего лишь уличный повеса, Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.

По всему тверскому околотку

В переулках каждая собака

Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь

Головой кивает мне навстречу.

Для зверей приятель я хороший, Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —В глупой страсти сердце жить не в силе, —В нем удобней, грусть свою уменьшив, Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею, Я иному покорился царству.

Каждому здесь кобелю на шею

Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.

Прояснилась омут в сердце мгlistом.

Оттого прослыл я шарлатаном, Оттого прослыл я скандалистом.

1922

«Да! Теперь решено. Без возврата...»

Да! Теперь решено. Без возврата

Я покинул родные поля.

Уж не будут листвою крылатой

Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссукулится, Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне Бог.

Я люблю этот город вязевый, Пусть обрюзг он и пусть одрях.

Золотая дремотная Азия

Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц, Когда светит... черт знает как!

Я иду, головою свесясь,

Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком, Но всю ночь напролет, до зари, Я читаю стихи проституткам

И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще, И уж я говорю невпопад:

«Я такой же, как вы, пропащий, Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссукулится, Старый пес мой давно издох.

На московских изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне Бог.

1922–1923

«Эта улица мне знакома...»

Эта улица мне знакома,

И знаком этот низенький дом.

Проводов голубая солома

Опрокинулась над окном.

Были годы тяжелых бедствий, Годы буйных, безумных сил.

Вспомнил я деревенское детство, Вспомнил я деревенскую синь.

Не искал я ни славы, ни покоя, Я с тщетой этой славы знаком.

А сейчас, как глаза закрою, Вижу только родительский дом.

Вижу сад в голубых накрапах, Тихо август прилег ко плетню.

Держат липы в зеленых лапах

Птичий гомон и щебетню.

Я любил этот дом деревянный, В бревнах теплилась грозная морщь, Наша печь как-то дико и странно

Завывала в дождливую ночь.

Голос громкий и всхлипень зычный, Как о ком-то погибшем, живом.

Что он видел, верблюд кирпичный, В завывании дождевом?

Видно, видел он дальние страны, Сон другой и цветущей поры, Золотые пески Афганистана

И стеклянную хмарь Бухары.

Ах, и я эти страны знаю — Сам немалый прошел там путь.

Только ближе к родимому краю

Мне б хотелось теперь повернуть.

Но угасла та нежная дрема, Все истлело в дыму голубом.

Мир тебе – полевая солома, Мир тебе – деревянный дом!

1923

«Мне осталась одна забава...»

Мне осталась одна забава: Пальцы в рот – и веселый свист.

Прокатилась дурная слава, Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!

Много в жизни смешных потерь.

Стыдно мне, что я в Бога верил.

Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!

Все сжигает житейская мреть.

И похабничал я и скандалил

Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта – ласкать и карябать, Роковая на нем печать.

Розу белую с черною жабой

Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись

Эти помыслы розовых дней.

Но коль черти в душе гнездились —Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути, Отправляясь с ней в край иной, Я хочу при последней минуте

Попросить тех, кто будет со мной, —Чтоб за все за грехи мои тяжкие, За неверие в благодать

Положили меня в русской рубашке

Под иконами умирать.

1923

«Заметался пожар голубой...»

Заметался пожар голубой, Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь – как запущенный сад, Был на женщин и зелие падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя, Видеть глаз злато-карий омут, И чтоб, прошлое не любя, Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан, Если б знала ты сердцем упорным, Как умеет любить хулиган, Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил, Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой

Хоть в свои, хоть в чужие дали...

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.

1923

«Ты такая ж простая, как все...»

Ты такая ж простая, как все, Как сто тысяч других в России.

Знаешь ты одинокий рассвет, Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип, Я по-глупому мысли занял.

Твой иконный и строгий лик

По часовням висел в рязанях.

Я на эти иконы плевал,

Чтил я грубость и крик в повесе, А теперь вдруг растут слова

Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит, Слишком многое телу надо.

Что ж так имя твое звенит, Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал

И умею расслышать за пылом: С детства нравиться я понимал

Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег

Для тебя, для нее и для этой.

Невеселого счастья залог —Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,

Словно в листья, в глаза косые...

Ты такая ж простая, как все, Как сто тысяч других в России.

1923

«Пускай ты выпита другим...»

Пускай ты выпита другим, Но мне осталось, мне осталось

Твоих волос стеклянный дым

И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне

Дороже юности и лета.

Ты стала нравиться вдвойне

Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу, И потому на голос чванства

Бестрепетно сказать могу, Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной

И непокорною отвагой.

Уж сердце наполнилось иной, Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал

Сентябрь багряной веткой ивы, Чтоб я готов был и встречал

Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь

Без принужденья, без утраты.

Иною кажется мне Русь,

Иными – кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг

И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль, Что ты одна, сестра и друг, Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог, Воспитываясь в постоянстве, Пропеть о сумерках дорог

И уходящем хулиганстве.

1923

«Дорогая, сядем рядом...»

Дорогая, сядем рядом.

Поглядим в глаза друг другу.

Я хочу под кротким взглядом

Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,

Эта прядь волос белесых —Все явилось, как спасенье

Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил, Где цветут луга и чащи.

В городской и горькой славе

Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше

Вспоминало сад и лето,

Где под музыку лягушек

Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...

Клен и липы в окна комнат, Ветки лапами забросив,

Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.

Месяц на простом погосте

На крестах лучами метит, Что и мы придем к ним в гости, Что и мы, отжив тревоги, Перейдем под эти кущи.

Все волнистые дороги

Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,

Поглядим в глаза друг другу.

Я хочу под кротким взглядом

Слушать чувственную вьюгу.

1923

«Мне грустно на тебя смотреть...»

Мне грустно на тебя смотреть, Какая боль, какая жалость!

Знать, только ивовая медь

Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли

Твое тепло и трепет тела.

Как будто дождик моросит

С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.

Иная радость мне открылась.

Ведь не осталось ничего, Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег

Для тихой жизни, для улыбок.

Так мало пройдено дорог, Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.

Так было и так будет после.

Как кладбище, усеян сад

В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы

И отшумим, как гости сада...

Коль нет цветов среди зимы, Так и грустить о них не надо.

1923

«Ты прохладой меня не мучай...»

Ты прохладой меня не мучай

И не спрашивай, сколько мне лет, Одержимый тяжелой падучей, Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья

Я мечтал по-мальчишески – в дым, Что я буду богат и известен

И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.

Был цилиндр, а теперь его нет.

Лишь осталась одна манишка

С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже, —От Москвы по парижскую рвань

Мое имя наводит ужас,

Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?

Ты целуешь, а губы как жель.

Знаю, чувство мое перезрело, А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано, Ну, а если есть грусть – не беда!

Золотей твоих кос по курганам

Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность, Чтоб под шум молодой лебеды

Утонуть навсегда в неизвестность

И мечтать по-мальчишески – в дым.

Но мечтать о другом, о новом, Непонятном земле и траве, Что не выразить сердцу словом

И не знает назвать человек.

1923

«Вечер черные брови насопил...»

Вечер черные брови насопил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому

Я уйду, исцеленный навек, Слушать песни дождей и черемух, Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы, Что терзали меня, губя.

Облик ласковый! Облик милый!

Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую, Но и с нею, с любимой, с другой, Расскажу про тебя, дорогую, Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая

Наша жизнь, что былой не была...

Голова ль ты моя удалая, До чего ж ты меня довела?

1923

«Я усталым таким еще не был...»

Я усталым таким еще не был.

В эту серую морозь и слизь

Мне приснилось рязанское небо

И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило, Да и сам я любил не одну, Не от этого ль темная сила

Приучила меня к вину.

Бесконечные пьяные ночи

И в разгуле тоска не впервые!

Не с того ли глаза мне точит, Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена, И не радуется легкость побед, —Тех волос золотое сено

Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды, Когда цедит осенняя муть.

Мне не жаль вас, прошедшие годы, —Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно, И с улыбкою странной лица

Полюбил я носить в легком теле

Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело

Ковылять из притона в притон, Как в смирительную рубашку, Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам, Умиряется бешеный пыл.

Но и все ж отношусь я с поклоном

К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом, Где резвился на желтой траве, —Шлю привет воробьям, и воронам, И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали: «Птицы милые, в синюю дрожь

Передайте, что я отскандалил, —Пусть хоть ветер теперь начинает

Под микитки дубасить рожь».

1923?

«Годы молодые с забубенной славой...»

Годы молодые с забубенной славой, Отравил я сам вас горькою отравой.

Я не знаю: мой конец близок ли, далек ли, Были синие глаза, да теперь поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть, грустно

и обидно.

В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.

Руки вытяну – и вот слушаю на ощупь: Едем... кони... сани... снег... проезжаем рощу.

«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден

не слабым!

Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По такой метели

Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»

Взял я кнут и ну стегать по лошажьим

спинам.

Бью, а кони, как метель, снег разносят

в хлопья.

Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой

тройки...

Забинтованный лежу на больничной койке.

И вместо лошадей по дороге тряской

Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.

Наклонились надо мной сонные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх ты, златоглавый, Отравил ты сам себя горькою отравой.

Мы не знаем, твой конец близок ли, далек ли, —Синие твои глаза в кабаках промокли».

1924

Письмо матери

Ты жива ещё, моя старушка?

Жив и я. Привет тебе, привет!

Пусть струится над твоей избушкой

Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу, Загрустила шибко обо мне, Что ты часто ходишь на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке

Часто видится одно и то ж: Будто кто-то мне в кабацкой драке

Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.

Это только тягостная бредь.

Не такой уж горький я пропойца, Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный

И мечтаю только лишь о том, Чтоб скорее от тоски мятежной

Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви

По-весеннему наш белый сад.

Только ты меня уж на рассвете

Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось, Не волнуй того, что не сбылось, —Слишком раннюю утрату и усталость

Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!

К старому возврата больше нет.

Ты одна мне помощь и отрада, Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу, Не грусти так шибко обо мне.

Не ходи так часто на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

1924

«Мы теперь уходим понемногу...»

Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь и благодать.

Может быть, и скоро мне в дорогу

Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!

Ты, земля! И вы, равнин пески!

Перед этим сонмом уходящих

Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете

Все, что душу облакает в плоть.

Мир осинам, что, раскинув ветви, Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал, Много песен про себя сложил, И на этой на земле угрюмой

Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве

И зверье, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи, Не звенит лебязьей шеей рожь.

Оттого пред сонмом уходящих

Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет

Этих нив, злзатящихся во мгле.

Оттого и дороги мне люди, Что живут со мною на земле.

1924

Возвращение на родину

Я посетил родимые места, Ту сельщину,

Где жил мальчишкой,

Где каланчой с березовою вышкой

Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там, В их бедном, неприглядном быте.

Какое множество открытий

За мною следовало по пятам.

Отцовский дом

Не мог я распознать:

Приметный клен уж под окном не машет, И на крылечке не сидит уж мать, Кормя цыплят крупитчатою кашей.

Стара, должно быть, стала...

Да, стара.

Я с грустью озираюсь на окрестность: Какая незнакомая мне местность!

Одна, как прежняя, белеется гора, Да у горы

Высокий серый камень.

Здесь кладбище!

Подгнившие кресты,

Как будто в рукопашной мертвецы

Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок, Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

«Прохожий!

Укажи, дружок,

Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна... Гм...

Да вон за той избой.

А ты ей что?

Сродни?

Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.

Но что, старик, с тобой?

Скажи мне,

Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,

Добро, что не узнал ты деда!..»

«Ах, дедушка, ужели это ты?»

И полилась печальная беседа

Слезами теплыми на пыльные цветы.

... ..

... ..

«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...

А мне уж девяносто...

Скоро в гроб.

Давно пора бы было воротиться».

Он говорит, а сам все морщит лоб.

«Да!.. Время!..

Ты не коммунист?»

«Нет!..»

«А сестры стали комсомолки.

Такая гадость! Просто удавись!

Вчера иконы выбросили с полки, На церкви комиссар снял крест.

Теперь и Богу негде помолиться.

Уж я хожу украдкой нынче в лес, Молюсь осинам...

Может, пригодится...

Пойдем домой —

Ты все увидишь сам».

И мы идем, топча межой кукольни.

Я улыбаюсь пашням и лесам, А дед с тоской глядит на колокольню.

... ..

... ..

«Здорово, мать! Здорово!» —И я опять тяну к глазам платок.

Тут разрыдаться может и корова, Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.

Здесь жизнь сестер,

Сестер, а не моя, —

Но все ж готов упасть я на колени, Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...

Женщина с ребенком.

Уже никто меня не узнает.

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!

Не тот ты стал,

Не тот.

Да уж и я, конечно, стал не прежний.

Чем мать и дед грустней и безнадежней, Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона, Я знаю мир...

Люблю мою семью...

Но отчего-то все-таки с поклоном

Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,

Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал», О Марксе,

Энгельсе...

Ни при какой погоде

Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,

Как шустрая девчонка

Меня во всем за шиворот берет...

.....

.....

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

1924

«Этой грусти теперь не рассыпать...»

Этой грусти теперь не рассыпать

Звонким смехом далеких лет.

Отцвела моя белая липа,

Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым, Много в сердце теснилось чувств, А теперь даже нежное слово

Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы

Уж не так под луной хороши.

Буераки... пеньки... косогоры

Облечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое, Водянистая, серая гладь.

Это все мне родное и близкое, От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,

Плач овцы, и вдали на ветру

Машет тощим хвостом лошаденка, Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной, Это все, отчего на ней

Пьют и плачут в одно с непогодиной, Дождаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпать

Эту грусть смехом ранних лет.

Отцвела моя белая липа,

Отзвенел соловьиный рассвет.

1924

Русь советская

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.

На переключке дружбы многих нет.

Я вновь вернулся в край осиротелый, В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

Той грустной радостью, что я остался жив?

Здесь даже мельница – бревенчатая птица

С крылом единственным – стоит, глаза

смежив.

Я никому здесь не знаком.

А те, что помнили, давно забыли.

И там, где был когда-то отчий дом, Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.

Вокруг меня снуют

И старые и молодые лица.

Но некому мне шляпой поклониться, Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы: Что родина?

Ужели это сны?

Ведь я почти для всех здесь пилигрим

угрюмый

Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!

Я, гражданин села,

Которое лишь тем и будет знаменито, Что здесь когда-то баба родила

Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит: «Опомнись! Чем же ты обижен?

Ведь это только новый свет горит

Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать, Другие юноши поют другие песни.

Они, пожалуй, будут интересней —Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.

На щеки впалые летит сухой румянец.

Язык сограждан стал мне как чужой, В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:

Воскресные сельчане

У волости, как в церковь, собрались.

Корявыми, нематыми речами

Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой

Закат обрызгал серые поля.

И ноги босые, как телки под ворота, Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным, В воспоминаниях морщина лоб, Рассказывает важно о Буденном, О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его – и этак и раз-этак, —Буржуя энтото... которого... в Крыму...»

И клены морщатся ушами длинных веток, И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол, И под гармонику, наяривая рьяно, Поют агитки Бедного Демьяна, Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!

Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?

Моя поэзия здесь больше не нужна, Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!

Прости, родной приют.

Чем сослужил тебе, и тем уж я доволен.

Пускай меня сегодня не поют —Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю все.

Как есть все принимаю.

Готов идти по выбитым следам.

Отдам всю душу октябрю и маю, Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки, Ни матери, ни другу, ни жене.

Лишь только мне она свои вверяла звуки

И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!

У вас иная жизнь, у вас другой напев.

А я пойду один к неведомым пределам, Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,

Когда во всей планете

Пройдет вражда племен,

Исчезнет ложь и грусть, —Я буду воспевать

Всем существом в поэте

Шестую часть земли

С названьем кратким «Русь».

1924

«Отговорила роща золотая...»

Отговорила роща золотая

Березовым, веселым языком, И журавли, печально пролетая, Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.

О всех ушедших грезит конопляник

С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой, А журавлей относит ветер в даль, Я полон дум о юности веселой, Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно, Не жаль души сиреневую цветь.

В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти, От желтизны не пропадет трава.

Как дерево роняет тихо листья, Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая, Сгребет их все в один ненужный ком...

Скажите так... что роща золотая

Отговорила милым языком.

1924

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака

И шумят, как ромашковый луг.

Мне припомнилась нынче собака, Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела, Как подгнивший под окнами клен, Но припомнил я девушку в белом, Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий, Но она мне как песня была, Потому что мои записки

Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала, И мой почерк ей был незнаком, Но о чем-то подолгу мечтала

У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...

Не дождался... уехал... И вот

Через годы... известным поэтом

Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела, Но в ту ж масть, что с отливом в синь, С лаем ливисто ошалелым

Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!

Снова выплыла боль души.

С этой болью я будто моложе, И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую, Но не лай ты! Не лай! Не лай!

Хочешь, пес, я тебя поцелую

За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом

И, как друга, введу тебя в дом...

Да, мне нравилась девушка в белом, Но теперь я люблю в голубом.

1924

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда, —Слишком были такими недавними

Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня ещё мне снится

Наше поле, луга и лес,

Принакрытые сереньким ситцем

Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею

И пропасть не хотел бы в глуши, Но, наверно, навеки имею

Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей

С их курлыканьем в тощие дали, Потому что в просторах полей

Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь, Да раkitник, кривой и безлистый, Да разбойные слышали свисты, От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить, Все равно не могу научиться, И под этим дешёвеньким ситцем

Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними

Уж не юные веют года...

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда.

1924

Стансы

Посвящается П. Чагину

Я о своем таланте

Много знаю.

Стихи – не очень трудные дела.

Но более всего

Любовь к родному краю

Меня томила,

Мучила и жгла.

Стишок писнуть,

Пожалуй, всякий может —

О девушке, о звездах, о луне...

Но мне другое чувство

Сердце гложет,

Другие думы

Давят череп мне.

Хочу я быть певцом

И гражданином,

Чтоб каждому,

Как гордость и пример,

Был настоящим,

А не сводным сыном —

В великих штатах СССР.

Я из Москвы надолго убежал: С милицией я ладить

Не в сноровке,

За всякий мой пивной скандал

Они меня держали

В тигулевке.

Благодарю за дружбу граждан сих, Но очень жестко

Спать там на скамейке

И пьяным голосом

Читать какой-то стих

О клеточной судьбе

Несчастной канарейки.

Я вам не кенар!

Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам.

Пускай бываю иногда я пьяным, Зато в глазах моих

Прозрений дивных свет.

Я вижу все

И ясно понимаю,

Что эра новая —

Не фунт изюму вам,

Что имя Ленина

Шумит, как ветер, по краю, Давая мыслям ход,

Как мельничным крылам.

Вертитесь, милые!

Для вас обещан прок.

Я вам племянник,

Вы же мне все дяди.

Давай, Сергей,

За Маркса тихо сядем,

Понюхаем премудрость

Скучных строк.

Дни, как ручьи, бегут

В туманную реку.

Мелькают города,

Как буквы по бумаге.

Недавно был в Москве,

А нынче вот в Баку.

В стихию промыслов

Нас посвящает Чагин.

«Смотри, — он говорит, — Не лучше ли церковей

Вот эти вышки

Черных нефть-фонтанов.

Довольно с нас мистических туманов, Воспой, поэт,

Что крепче и живей».

Нефть на воде,

Как одеяло перса,

И вечер по небу

Рассыпал звездный куль.

Но я готов поклясться

Чистым сердцем,

Что фонари

Прекрасней звезд в Баку.

Я полон дум об индустриальной мощи, Я слышу голос человеческих сил.

Довольно с нас

Небесных всех светил —

Нам на земле

Устроить это проще.

И, самого себя

По шее глядя,

Я говорю:

«Настал наш срок,

Давай, Сергей,

За Маркса тихо сядем,

Чтоб разгадать

Премудрость скучных строк».

1924

Русь уходящая

Мы многое ещё не сознаем, Питомцы ленинской победы, И песни новые

По-старому поем,

Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!

Какой раскол в стране,

Какая грусть в кипении веселом!

Знать, оттого так хочется и мне, Задрав штаны,

Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню, Ну где же старикам

За юношами гнаться?

Они несжатой рожью на корню

Остались догнивать и осыпаться.

И я, я сам,

Не молодой, не старый,

Для времени навозом обречен.

Не потому ль кабацкий звон гитары

Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,

Звени, звени!

Сыграй, цыганка, что-нибудь такое, Чтоб я забыл отравленные дни, Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню, И потому я на нее в обиде, Что юность светлую мою

В борьбе других я не увидел.

Что видел я?

Я видел только бой

Да вместо песен

Слышал канонаду.

Не потому ли с желтой головой

Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.

В сонме бурь

Неповторимые я вынес впечатленья.

Вихрь нарядил мою судьбу

В золототканое цветенье.

Я человек не новый!

Что скрывать?

Остался в прошлом в одной ногою, Стремясь догнать стальную рать, Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.

Те

Еще несчастней и забытей.

Они, как отрубы в решетке, Среди непонятных им событий.

Я знаю их

И подсмотрел:

Глаза печальнее коровьих.

Среди человеческих мирных дел, Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?

Не троньте!

Будет запах смрада.

Они в самих себе умрут,

Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,

Те, что верят,

Что тянут в будущее робкий взгляд.

Почесывая зад и перед,

Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю, О чем крестьянская судачит оголь.

«С Советской властью жить нам по нутрю...

Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам, Чья жизнь в сплошном

Картофеле и хлебе.

Чего же я ругаюсь по ночам

На неудачный, горький жребий?

Я тем завидую,

Кто жизнь провел в бою,

Кто защищал великую идею.

А я, сгубивший молодость свою, Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!

Какой большой скандал!

Я очутился в узком промежутке.

Ведь я мог дать

Не то, что дал,

Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,

Звени, звени!

Сыграй, цыганка, что-нибудь такое, Чтоб я забыл отравленные дни, Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине, Не вылечить души

Пустыней и отколом.

Знать, оттого так хочется и мне, Задрать штаны,

Бежать за комсомолом.

1924

Письмо к женщине

Вы помните,

Вы всё, конечно, помните, Как я стоял,

Приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое

В лицо бросали мне.

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься, А мой удел — Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь, загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь, что не пойму — Куда несёт нас рок событий.

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянье.

Когда кипит морская гладь, Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!

Но кто-то вдруг

За новой жизнью, новой славой

В прямую гуцу бурь и вьюг

Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой

Не падал, не блевал и не ругался?

Их мало, с опытной душой, Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,

Под дикий шум,

Но зрело знающий работу, Спустился в корабельный трюм, Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —

Русским кабаком.

И я склонился над стаканом, Чтоб, не страдая ни о ком, Себя сгубить

В угаре пьяном.

Любимая!

Я мучил вас,

У вас была тоска

В глазах усталых —

Что я пред вами напоказ

Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,

Что в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь,

Что не пойму,

Куда несет нас рок событий...

....

Теперь года прошли.

Я в возрасте ином.

И чувствую и мыслю по-иному.

И говорю за праздничным вином: Хвала и слава рулевому!

Сегодня я

В ударе нежных чувств.

Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь

Я сообщить вам мчусь,

Каков я был

И что со мною случилось!

Любимая!

Сказать приятно мне:

Я избежал паденья с кручи.

Теперь в Советской стороне

Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,

Кем был тогда.

Не мучил бы я вас,

Как это было раньше.

За знамя вольности

И светлого труда

Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...

Я знаю: вы не та —

Живете вы

С серьезным, умным мужем; Что не нужна вам наша маета, И сам я вам

Ни капельки не нужен.

Живите так,

Как вас ведет звезда,

Под кущей обновленной сени.

С приветствием,

Вас помнящий всегда

Знакомый ваш

Сергей Есенин.

1924

Поэтам Грузии

Писали раньше

Ямбом и октавой.

Классическая форма

Умерла,

Но ныне, в век наш

Величавый,

Я вновь ей вздернул

Удила.

Земля далекая!

Чужая сторона!

Грузинские кремнистые дороги.

Вино янтарное

В глаза струит луна,

В глаза глубокие,

Как голубые роги.

Поэты Грузии!

Я ныне вспомнил вас.

Приятный вечер вам,

Хороший, добрый час!

Товарищи по чувствам,

По перу,

Словесных рек кипение

И шорох,

Я вас люблю,

Как шумную Куру,

Люблю в пирах и в разговорах.

Я – северный ваш друг

И брат!

Поэты – все единой крови.

И сам я тоже азиат

В поступках, в помыслах

И слове.

И потому в чужой

Стране

Вы близки

И приятны мне.

Века всё смелют,

Дни пройдут,

Людская речь

В один язык сольется.

Историк, сочиняя труд,

Над нашей рознью улыбнется.

Он скажет:

В пропасти времен

Есть изысканья и приметы...

Дрались сонмища племен,

Зато не ссорились поэты.

Свидетельствует

Вещий знак:

Поэт поэту

Есть кунак.

Самодержавный

Русский гнет

Сжимал все лучшее за горло, Его мы кончили —И вот

Свобода крылья распростерла.

И каждый в племени своем, Своим мотивом и наречьем, Мы всяк

По-своему поем,

Поддавшись чувствам

Человечьим...

Свершился дивный

Рок судьбы:

Уже мы больше

Не рабы.

Поэты Грузии,

Я ныне вспомнил вас,

Приятный вечер вам,

Хороший, добрый час!..

Товарищи по чувствам,

По перу,

Словесных рек кипение

И шорох,

Я вас люблю,

Как шумную Куру,

Люблю в пирах и в разговорах.

1924

Персидские мотивы

«Улеглась моя былая рана...»

Улеглась моя былая рана —Пьяный бред не гложет сердце мне.

Синими цветами Тегерана

Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами, Чтобы славилась пред русским чайхана, Угощает меня красным чаем

Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.

Много роз цветет в твоём саду.

Незадаром мне мигнули очи, Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних

На цепи не держим, как собак, Поцелуям учимся без денег, Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана, Что лицом похожа на зарю, Подарю я шаль из Хороссана

И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю, Я тебе вовеки не солгу.

За себя я нынче отвечаю, За тебя ответить на могу.

И на дверь ты взглядывай не очень, Все равно калитка есть в саду...

Незадаром мне мигнули очи, Приоткинув черную чадру.

1924

«Я спросил сегодня у менялы...»

Я спросил сегодня у менялы, Что дает за полтумана по рублю, Как сказать мне для прекрасной Лалы

По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы

Легче ветра, тише Ванских струй, Как назвать мне для прекрасной Лалы

Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы, В сердце робость глубже притая, Как сказать мне для прекрасной Лалы, Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко: О любви в словах не говорят, О любви вздыхают лишь украдкой, Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет, Поцелуй не надпись на гробах.

Красной розой поцелуй веют, Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки, С нею знают радость и беду.

«Ты – моя» сказать лишь могут руки, Что срывали черную чадру.

1924

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли, Я готов рассказать тебе поле, Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли, Что луна там огромней в сто раз, Как бы ни был красив Шираз, Он не лучше рязанских раздолий.

Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле, Эти волосы взял я у ржи, Если хочешь, на палец вяжи — Я нисколько не чувствую боли.

Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне

По кудрям ты моим догадайся.

Дорогая, шути, улыбайся, Не буди только память во мне

Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Там, на севере, девушка тоже, На тебя она страшно похожа, Может, думает обо мне...

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

«Ты сказала, что Саади...»

Ты сказала, что Саади

Целовал лишь только в грудь.

Подожди ты, бога ради,

Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом

Розы лучше смертных дев».

Если был бы я богатым,

То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,

Ведь одна отрада мне —

Чтобы не было на свете

Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,

У меня заветов нет.

Коль родился я поэтом,

То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

«Никогда я не был на Босфоре...»

Никогда я не был на Босфоре, Ты меня не спрашивай о нем.

Я в твоих глазах увидел море, Пыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном, Не возил я шелк туда и хну.

Наклонись своим красивым станом, На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я, Для тебя навеки дела нет, Что в далеком имени — Россия — Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка, При луне собачий слышу лай.

Разве ты не хочешь, персиянка, Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки — Ты меня, незримая, звала.

И меня твои лебяжьи руки

Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя, И хоть прошлой жизни не кляню, Расскажи мне что-нибудь такое

Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки, Напой дыханьем свежих чар, Чтобы я о дальней северянке

Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре — Я тебе придумаю о нем.

Все равно — глаза твои, как море, Голубым колышутся огнем.

1924

«Свет вечерний шафранного края...»

Свет вечерний шафранного края, Тихо розы бегут по полям.

Спой мне песню, моя дорогая, Ту, которую пел Хаям.

Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен, Кружит звезд мотыльковый рой.

Мне не нравится, что персияне

Держат женщин и дев под чадрой.

Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли, Закрывая телесную медь?

Или, чтобы их больше любили, Не желают лицом загореть, Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись, Заучи эту заповедь вкратце, Ведь и так коротка наша жизнь, Мало счастьем дано любоваться.

Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке

Осентяет своя благодать.

Потому и прекрасные щеки

Перед миром грешно закрывать, Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.

Сердцу снится страна другая.

Я спую тебе сам, дорогая, То, что сроду не пел Хаям...

Тихо розы бегут по полям.

1925

«Воздух прозрачный и синий...»

Воздух прозрачный и синий, Выйду в цветочные чаши.

Путник, в лазурь уходящий, Ты не дойдешь до пустыни.

Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом, Садом – в цветенье диком, Ты не удержишься взглядом, Чтоб не припасть к гвоздикам.

Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест — Нежность, как песни Саади.

Вмиг отразится во взгляде

Месяца желтая прелесть,

Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,

Тихий, как флейта Гассана.

В крепких объятиях стана

Нет ни тревог, ни потери, Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный

Всех, кто в пути устали.

Ветер благоуханный

Пью я сухими устами,

Ветер благоуханный.

1925

«Золото холодное луны...»

Золото холодное луны,

Запах олеандра и левкоя.

Хорошо бродить среди покоя

Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад, Где жила и пела Шахразада.

Но теперь ей ничего не надо.

Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли

Поросли кладбищенской травой.

Ты же, путник, мертвым не внемли, Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом: Губы к розам так и тянет, тянет.

Помирись лишь в сердце со врагом —И тебя блаженством ошафранит.

Жить – так жить, любить – так уж

влюбляться.

В лунном золоте целуйся и гуляй, Если ж хочешь мертвым поклоняться, То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада, —Так вторично скажет листьев медь.

Тех, которым ничего не надо, Только можно в мире пожалеть.

1925

«В Хороссане есть такие двери...»

В Хороссане есть такие двери, Где обсыпан розами порог.

Там живет задумчивая пери.

В Хороссане есть такие двери, Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы, В волосах есть золото и медь.

Голос пери нежный и красивый.

У меня в руках довольно силы, Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.

И зачем? Кому мне песни петь? —Если стала неревнивой Шага, Коль дверей не смог я отпереть, Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.

Персия! Тебя ли покидаю?

Навсегда ль с тобою расстанусь

Из любви к родимому мне краю?

Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья.

Пусть не смог я двери отпереть, Ты дала красивое страданье, Про тебя на родине мне петь.

До свиданья, пери, до свиданья.

1925

«Голубая родина Фирдуси...»

Голубая родина Фирдуси,

Ты не можешь, памятью простыв, Позабыть о ласковом уресе

И глазах, задумчиво простых, Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю, Розы, как светильники, горят

И опять мне о далеком крае

Свежестью упругой говорят.

Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз

Ароматы, что хмельны, как брага.

И твой голос, дорогая Шага, В этот трудный расставанья час

Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?

И в моей скитальческой судьбе

Близкому и дальнему мне люду

Буду говорить я о тебе —И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь, Но на всякий случай твой угрюмый

Оставляю песенку про Русь: Запевая, обо мне подумай, И тебе я в песне отзовусь...

Март 1925

«Быть поэтом – это значит то же...»

Быть поэтом – это значит то же, Если правды жизни не нарушить, Рубцевать себя по нежной коже, Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом – значит петь раздолье, Чтобы было для тебя известней.

Соловей поет – ему не больно, У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —Жалкая, смешная побрякушка.

Миру нужно песенное слово

Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране, Запрещая крепкие напитки, Потому поэт не перестанет

Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой, А любимая с другим лежит на ложе, Влагою живительной хранимый, Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой, Будет вслух насвистывать до дома: «Ну и что ж, помру себе бродягой, На земле и это нам знакомо».

1925

«Руки милой – пара лебедей...»

Руки милой – пара лебедей —В золоте волос моих ныряют.

Все на этом свете из людей

Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко

И теперь пою про то же снова, Потому и дышит глубоко

Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна, Сердце станет глыбой золотою.

Только тегеранская луна

Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить: Догореть ли в ласках милой Шаги

Иль под старость трепетно тужить

О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть: Что приятно уху, что – для глаза.

Если перс слагает плохо песнь, Значит, он вовек не из Ширази.

Про меня же и за эти песни

Говорите так среди людей: Он бы пел нежнее и чудесней, Да сгубила пара лебедей.

1925

«Отчего луна так светит тускло...»

«Отчего луна так светит тускло

На сады и стены Хороссана?

Словно я хожу равниной русской

Под шуршащим пологом тумана», —Так спросил я, дорогая Лала, У молчащих ночью кипарисов, Но их рать ни слова не сказала, К небу гордо головы завывсив.

«Отчего луна так светит грустно?» —У цветов спросил я в тихой чаще, И цветы сказали: «Ты почувствуй

По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась, Лепестками тайно мне сказала: «Шаганэ твоя с другим ласкалась, Шаганэ другого целовала.

Говорила: «Русский не заметит...

Сердцу – песнь, а песне – жизнь и тело...»

Оттого луна так тускло светит, Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены, Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

... ..

Но и все ж вовек благословенны

На земле сиреневые ночи.

1925

«Глупое сердце, не бойся!..»

Глупое сердце, не бойся!

Все мы обмануты счастьем, Нищий лишь просит участия...

Глупое сердце, не бойся.

Месяца желтые чары

Льют по каштанам в пролесь.

Лале склонясь на шальвары, Я под чадрую укроюсь.

Глупое сердце, не бойся.

Все мы порою, как дети,

Часто смеемся и плачем:

Выпали нам на свете

Радости и неудачи.

Глупое сердце, не бойся.

Многие видел я страны,

Счастья искал повсюду,

Только удел желанный

Больше искать не буду.

Глупое сердце, не бойся.

Жизнь не совсем обманула.

Новой напьемся силой.

Сердце, ты хоть бы заснуло

Здесь, на коленях у милой.

Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит

Рок, что течет лавиной,

И на любовь ответит

Песнею соловьиной.

Глупое сердце, не бойся.

1925

«Голубая да веселая страна...»

Голубая да веселая страна.

Честь моя за песню продана.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —Эта песня в сердце отзовется.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Ты – ребенок, в этом спора нет, Да и я ведь разве не поэт?

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.

Много роз бывает на пути, Много роз склоняется и гнется, Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе – ты и я —За такие милые края.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.

Пусть вся жизнь моя за песню продана, Но за Гелию в тених ветвей

Обнимает розу соловей.

1925

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне, Таковую лапу не видал я сроду.

Давай с тобой полаем при луне

На тихую, бесшумную погоду.

Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.

Пойми со мной хоть самое простое.

Ведь ты не знаешь, что такое жизнь, Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит, И у него гостей бывает в доме много, И каждый, улыбаясь, норовит

Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив, С такою милою доверчивой приятцей.

И, никого ни капли не спросив, Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей

Так много всяких и невсяких было.

Но та, что всех безмолвней и грустней, Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.

И без меня, в ее уставясь взгляд, Ты за меня лизни ей нежно руку

За все, в чем был и не был виноват.

1925

«Несказанное, синее, нежное...»

Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз, И душа моя – поле безбрежное —Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело, Но того, что прошло, не кляню.

Словно тройка коней оголтелая

Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.

И пропали под дьявольский свист.

А теперь вот в лесной обители

Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?

Все спокойно впивает грудь.

Стой, душа, мы с тобой проехали

Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели, Что случилось, что стало в стране, И простим, где нас горько обидели

По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было, Только жаль на тридцатом году —Слишком мало я в юности требовал, Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь, Так же гнется, как в поле трава...

Эх ты, молодость, буйная молодость, Золотая сорвиголова!

1925

Песня

Есть одна хорошая песня у соловушки — Песня панихидная по моей головушке.

Цвела – забубенная, росла – ножевая, А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.

Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталось, сам не понимаю.

Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.

В темноте мне кажется – обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.

Только знаю – милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь – заря

вишневая,

Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками, Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь

без промаха —

Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли?

В славе ли?

В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки, Песня панихидная по моей головушке.

Цвела – забубенная, была – ножевая, А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

1925

«Заря окликает другую...»

Заря окликает другую,

Дымится овсяная гладь...

Я вспомнил тебя, дорогую, Моя одряхлевшая мать.

Как прежде ходя на пригорок, Костыль свой сжимая в руке, Ты смотришь на лунный опорок, Плывающий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю, С тревогой и грустью большой, Что сын твой по отчему краю

Совсем не болеет душой.

Потом ты идешь до погоста

И, в камень уставясь в упор, Вдыхаешь так нежно и просто

За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые, А сестры росли, как май, Ты все же глаза живые

Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!

И время тебе подсмотреть, Что яблоне тоже больно

Терять своих листьев медь.

Ведь радость бывает редко, Как вешняя звень поутру, И мне – чем сгнивать на ветках —Уж лучше сгореть на ветру.

1925

«Синий май. Заревая теплынь...»

Синий май. Заревая теплынь.

Не прозвякнет кольцо у калитки.

Липким запахом веет полынь.

Спит черемуха в белой накидке.

В деревянные крылья окна

Вместе с рамами в тонкие шторы

Вяжет взбалмошная луна

На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала, Но чиста. Я с собой на досуге...

В этот вечер вся жизнь мне мила, Как приятная память о друге.

Сад польщит, как пенный пожар, И луна, напрягая все силы, Хочет так, чтобы каждый дрожал

От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту гладь, Под тальянку веселого мая, Ничего не могу пожелать, Все, как есть, без конца принимая.

Принимаю – приди и явись, Все явись, в чем есть боль и отрада.

Мир тебе, отшумевшая жизнь.

Мир тебе, голубая прохлада.

1925

«Неуютная жидкая лунность...»

Неуютная жидкая лунность

И тоска бесконечных равнин, — Вот что видел я в резвую юность, Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы

И тележная песня колес...

Ни за что не хотел я теперь бы, Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам, И очажный огонь мне не мил, Даже яблонь весеннюю вьюгу

Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...

И в чахоточном свете луны

Через каменное и стальное

Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно

Волочиться сохой по полям!

Нищету твою видеть больно

И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...

Может, в новую жизнь не гожусь, Но и все же хочу я стальнойю

Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю

В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз, Ни за что я теперь не желаю

Слушать песню тележных колес.

1925

«Каждый труд благослови, удача!..»

Каждый труд благослови, удача!

Рыбаку – чтоб с рыбой невода, Пахарю – чтоб плуг его и кляча

Доставали хлеба на года.

Воду пьют из кружек и стаканов, Из кувшинок также можно пить — Там, где омут розовых туманов

Не устанет берег золотить.

Хорошо лежать в траве зеленой

И, впиваясь в призрачную гладь, Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный, На себе, уставшем, вспоминать.

Коростели свищут... коростели...

Потому так и светлы всегда

Те, что в жизни сердцем опростели

Под веселой ношею труда.

Только я забыл, что я крестьянин, И теперь рассказываю сам, Соглядатай праздный, я ль не странен

Дорогим мне пашням и лесам.

Словно жаль кому-то и кого-то, Словно кто-то к родине отвык, И с того, поднявшись над болотом, В душу плачут чибис и кулик.

1925

«Я иду долиной. На затылке кепи...»

Я иду долиной. На затылке кепи, В лайковой перчатке смуглая рука.

Далеко сияют розовые степи, Широко синее тихая река.

Я – беспечный парень. Ничего не надо.

Только б слушать песни – сердцем подпевать, Только бы струилась легкая прохлада, Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы, —Сколько там нарядных мужиков и баб!

Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.

«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?

На земле милее. Полно плавать в небо.

Как ты любишь долы, так бы труд любил.

Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?

Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка —Но косою выводят строчки хоть куда.

Под весенним солнцем, под весенней тучкой

Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.

Что же, дайте косу, я вам покажу —Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий, Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.

Хорошо косою в утренний туман

Выводить по долам травяные строчки, Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках – песня, в этих строчках —слово.

Потому и рад я в думах ни о ком, Что читать их может каждая корова, Отдавая плату теплым молоком.

1925

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

Спит ковыль. Равнина дорогая, И свинцовой свежести полынь.

Никакая родина другая

Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь, И, пожалуй, всякого спроси —Радуюсь, свирепствуя и мучась, Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный, Плачут вербы, шепчут тополя.

Но никто под окрик журавлиный

Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом

И моей коснулась жизнь судьбы, Все равно остался я поэтом

Золотой бревёнчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью, Вижу я, как сильного врага, Как чужая юность брызжет новью

На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый, Я могу прочувственно пропеть: Дайте мне на родине любимой, Все любя, спокойно умереть!

1925

«Листья падают, листья падают...»

Листья падают, листья падают.

Стонет ветер,

Протяжен и глух.

Кто же сердце порадует?

Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками

Я смотрю и смотрю на луну.

Вот опять петухи кукарекнули

В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее.

И летающих звезд благодать.

Загадать бы какое желание, Да не знаю, чего пожелать.

Что желать под житейскою ношею, Проклиная удел свой и дом?

Я хотел бы теперь хорошую

Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми

Только мне —

Не кому-нибудь —

И словами и чувствами новыми

Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под этою белою лунностью, Принимая счастливый удел, Я над песней не таял, не млел

И с чужою веселою юностью

О своей никогда не жалел.

1925

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»

Над окошком месяц. Под окошком ветер.

Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.

Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку

Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.

Под чужую песню и смеюсь и плачу.

1925

«Я красивых таких не видел...»

Сестре Шуре

Я красивых таких не видел, Только, знаешь, в душе затаю

Не в плохой, а в хорошей обиде —Повторяешь ты юность мою.

Ты – мое васильковое слово, Я навеки люблю тебя.

Как живет теперь наша корова, Грусть соломенную беребя?

Запоешь ты, а мне любимо, Исцеляй меня детским сном.

Отгорела ли наша рябина, Осыпаясь под белым окном?

Что поет теперь мать за куделью?

Я навеки покинул село,

Только знаю – багряной метелью

Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе

Вместо ласки и вместо слез

У ворот, как о сгибшей невесте, Тихо воеет покинутый пес.

Но и все ж возвращаться не надо, Потому и достался не в срок, Как любовь, как печаль и отрада, Твой красивый рязанский платок.

1925

«Ах, как много на свете кошек...»

Сестре Шуре

Ах, как много на свете кошек, Нам с тобой их не счесть никогда.

Сердцу снится душистый горошек, И звенит голубая звезда.

Наяву ли, в бреду иль спросонок, Только помню с далекого дня —На лежанке мурлыкал котенок, Безразлично смотря на меня.

Я еще тогда был ребенок, Но под бабкину песню вскок

Он бросался, как юный тигренок, На оброненный ею клубок.

Все прошло. Потерял я бабку, А еще через несколько лет

Из кота того сделали шапку, А ее износил наш дед.

1925

«Ты запой мне ту песню, что прежде...»

Сестре Шуре

Ты запой мне ту песню, что прежде

Напевала нам старая мать.

Не жалея о сгибшей надежде, Я сумею тебе подпевать.

Я ведь знаю, и мне знакомо, Потому и волнуй и тревожь —Будто я из родимого дома

Слышу в голосе нежную дрожь.

Ты мне пой, ну, а я с такою, Вот с такою же песней, как ты, Лишь немного глаза прикрою —Вижу вновь дорогие черты.

Ты мне пой. Ведь моя отрада —Что вовек я любил не один

И калитку осеннего сада, И опавшие листья с рябин.

Ты мне пой, ну, а я припомню

И не буду забывчиво хмур: Так приятно и так легко мне

Видеть мать и тоскующих кур.

Я навек за туманы и росы

Полюбил у березки стан,

И ее золотистые косы,

И холщовый ее сарафан.

Потому так и сердцу не жестко —Мне за песнею и за вином

Показалась ты той березкой, Что стоит под родимым окном.

1925

«В этом мире я только прохожий...»

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий, Ты махни мне веселой рукой.

У осеннего месяца тоже

Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь, В первый раз от прохлады согрет, И опять и живу и надеюсь

На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность, Посоленная белью песка,

И измятая чья-то невинность, И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою, Что любить не отдельно, не врозь — Нам одною любовью с тобою

Эту родину привелось.

1925

«Эх вы, сани! А кони, кони!..»

Эх вы, сани! А кони, кони!

Видно, черт их на землю принес.

В залихватском степном разгоне

Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая

В далеке, в стороне, в пустыре.

Поддержись, моя жизнь удалая, Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи, —Хочешь, сам я тебе подпою

Про лукавые девичьи очи, Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломишь шапку, Да заложишь в оглобли коня, Да приляжешь на сена охапку, —Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка, А в полуночную тишину

Разговорчивая тальянка

Уговаривала не одну.

Все прошло. Поредел мой волос.

Конь издох, опустел наш двор.

Потеряла тальянка голос, Разучившись вести разговор.

Но и все же душа не остыла, Так приятны мне снег и мороз, Потому что над всем, что было, Колокольчик хохочет до слез.

1925

«Снежная замять дробится и колется...»

Снежная замять дробится и колется, Сверху озябшая светит луна.

Снова я вижу родную околицу, Через метель огонек у окна.

Все мы бездомники, много ли нужно нам.

То, что далось мне, про то и пою.

Вот я опять за родительским ужином, Снова я вижу старушку мою.

Смотрит, а очи слезятся, слезятся, Тихо, безмолвно, как будто без мук.

Хочет за чайную чашку взяться — Чайная чашка скользит из рук.

Милая, добрая, старая, нежная, С думами грустными ты не дружись, Слушай — под эту гармонику снежную

Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал, Много любил я и много страдал, И оттого хулиганил и пьянствовал, Что лучше тебя никого не видал.

Вот и опять у лежанки я греюсь.

Сбросил ботинки, пиджак свой раздел.

Снова я ожил и снова надеюсь

Так же, как в детстве, на лучший удел.

А за окном под метельные всхлипы, В диком и шумном метельном чаду, Кажется мне — осыпаются липы, Белые липы в нашем саду.

1925

«Синий туман. Снеговое раздолье...»

Синий туман. Снеговое раздолье, Тонкий лимонный лунный свет.

Сердцу приятно с тихою болью

Что-нибудь вспомнить из ранних лет.

Снег у крыльца как песок зыбучий.

Вот при такой же луне, без слов, Шапку из кошки на лоб нахлобучив, Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край родимый.

Кто меня помнит? Кто позабыл?

Грустно стою я, как странник гонимый, —Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку, Не по душе мне соболий мех.

Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабу, Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.

Все успокоились, все там будем, Как в этой жизни радей не радей, —Вот почему так тянусь я к людям, Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал

И, улыбаясь, душой погас, —Эту избу на крыльце с собакой

Словно я вижу в последний раз.

1925

«Слышишь – мчатся сани, слышишь...»

Слышишь – мчатся сани, слышишь —сани мчатся.

Хорошо с любимой в поле затеряться.

Ветерок веселый робок и застенчив, По равнине голой катится бубенчик.

Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!

Где-то на поляне клен танцует пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим – что такое?

И станцуем вместе под тальянку трое.

1925

«Голубая кофта. Синие глаза....»

Голубая кофта. Синие глаза.

Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?»

Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты

Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель, У меня на сердце без тебя метель».

Октябрь 1925

«Снежная замять крутит бойко...»

Снежная замять крутит бойко, По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость.

Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким

Вот на такой же бешеной тройке.

1925

«Вечером синим, вечером лунным...»

Вечером синим, вечером лунным

Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо

Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...

Синее счастье! Лунные ночи!

Октябрь 1925

«Не криви улыбку, руки беребя...»

Не криви улыбку, руки беребя, Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо — Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно — Просто захотелось заглянуть в окно.

Октябрь 1925

«Мелколесье. Степь и дали...»

Мелколесье. Степь и дали.

Свет луны во все концы.

Вот опять вдруг зарыдали

Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,

Да любимая навек,

По которой ездил много

Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!

Звоны мерзлые осин.

У меня отец – крестьянин, Ну, а я – крестьянский сын.

Наплевать мне на известность

И на то, что я поэт.

Эту чахленькую местность

Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды

Этот край и эту гладь,

Тот почти березке каждой

Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться, Если с венкой в стынь и звень

Будет рядом веселиться

Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава, Знать, с того под этот вой

Не одна лихая слава

Пропадала трын-травой.

1925

«Цветы мне говорят – прощай...»

Цветы мне говорят – прощай, Головками склоняясь ниже, Что я навеки не увижу

Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!

Я видел их и видел землю, И эту гробовую дрожь

Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг

Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —Я говорю на каждый миг,

Что все на свете повторимо.

Не все ль равно – придет другой, Печаль ушедшего не сгложет, Оставленной и дорогой

Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине, Любимая с другим любимым, Быть может, вспомнит обо мне

Как о цветке неповторимом.

Октябрь 1925

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»

Клен ты мой опавший, клен заледенелый, Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?

Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий, Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил, Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом, Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску, Как жену чужую, обнимал березку.

28 ноября 1925

«Какая ночь! Я не могу...»

Какая ночь! Я не могу.

Не спится мне. Такая лунность.

Еще как будто берегу

В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,

Не называй игру любовью, Пусть лучше этот лунный свет

Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты

Он обрисовывает смело, —Ведь разлюбить не сможешь ты, Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.

Вот оттого ты мне чужая, Что липы тщетно манят нас, В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты, Что в этот отсвет лунный, синий

На этих липах не цветы —На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,

Ты не меня, а я — другую, И нам обоим все равно

Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай

В лукавой страсти поцелуя, Пусть сердцу вечно снится май

И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова, Не грусти и не печаль бровей, —В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей.

